

ДИГОРСКО-КУДАРСКИЕ ИЗОГЛОССЫ В ТОПОНИМИИ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ

Ю.А. Дзиццойты

В статье анализируется та часть топонимии Южной Осетии, которая находит параллели в апеллятивной лексике дигорского диалекта осетинского языка. Автор приходит к выводу, что соответствующие лексемы в прошлом бытовали и в диалектах Южной Осетии, но на каком-то этапе вышли из употребления. В географическом плане дигорско-кударские изоглоссы охватывают все районы Южной Осетии. Наличие дигорско-кударских изоглосс в топонимии Южной Осетии говорит о давности формирования южной ветви осетинского народа. Эти же изоглоссы имеют значение для решения вопросов исторической диалектологии осетинского языка. Примечательно, что какая-то часть этих изоглосс встречается в грузинской топонимии края. В большинстве случаев югоосетинские топонимы находят соответствие в апеллятивной лексике дигорского диалекта. Но в некоторых случаях топоним из Южной Осетии соответствует созвучному топониму из Дигории. Наличие дигорско-туальских изоглосс в ареале иронского диалекта указывает на единый культурно-лингвистический континуум от Дигории до Ленингорского района Южной Осетии. Разрыв исторических связей между дигорским и кударским диалектами, по мнению автора, мог произойти после татаро-монгольского нашествия, когда огромная волна беженцев-иронцев из равнинной зоны Алании оказалась в горах современной Северной Осетии. В подавляющем большинстве своем дигорско-кударские изолексы имеют иранские этимологии. Одна из них, возможно, тюркского происхождения (тыррур). Еще одна изоглосса может быть квалифицирована как заимствование из грузинского языка (Sataltæ). Происхождение некоторых топонимов (например, Sayo) остается неясным. В основе части дигорско-кударских изоглосс лежат антропонимы.

Ключевые слова: диалекты осетинского языка, топонимия, Южная Осетия, изоглоссы

The present article deals with the toponyms of South Ossetia, which have convincing parallels in appellatives of the Digoron dialect of the Ossetic language. The author concludes that previously respective lexemes might have existed in the South Ossetian dialects too, but at some stage ceased to be used and became extinct. In respect of geography Digoron-Kudar isoglosses embrace all districts of South Ossetia. Their presence in South Ossetian toponymy testifies to the antiquity of formation of the southern branch of the Ossetian people. The same isoglossic lines are important for solving the problems of the historical dialectology of the Ossetic. It is noteworthy that some of these isoglosses are found in the Georgian toponymy of the area. In most cases the South Ossetian toponyms find a match in the appellative vocabulary of the Digoron dialect. But in some cases toponyms from South Ossetia correspond to consonant toponyms from Digoria. The existence of Digoron-Tual isoglosses in the area of the Iron dialect attests to a single cultural and linguistic continuum from Digoria to Leningor district of South Ossetia. According to the author, the rupture of historical ties between Digoron and Kudar dialects could occur after the Tatar-Mongol invasion, when a huge wave of Irons from the plains of Alania found refuge in the mountains of present-day North Ossetia. The Digoron-Kudar isoglosses have predominantly Iranian etymologies. One of them (тыррур) is possibly of Turkish origin. Another one (Sataltæ) could have been borrowed from Georgian. The origin of some toponyms (e.g. Sayo) remains unclear. Part of the Digoron-Kudar isoglosses is based on anthroponyms.

Keywords: Ossetian dialects, toponymy, South Ossetia, isoglossic lines.

1.1. В осетинском языке три диалекта: иронский, дигорский и кударский¹. Основной ареал последнего из них – Южная Осетия. Иронский диалект представлен на большей части территории Северной Осетии, а также двумя говорами на востоке Южной Осетии. Дигорский диалект представлен исключительно на западе Северной Осетии, не считая отдельных анклавов в Кабардино-Балкарии.

Ареалы кударского и дигорского диалектов не соприкасаются: они разделены ареалом туальского говора иронского диалекта. Несмотря на это, в кударском диалекте прослеживаются лексические элементы, присущие в настоящее время только дигорскому диалекту [2, 57; 3, 62; 4, 78–79; 5, I, 329, 470, 541; 5, II, 111, 191, 309; 6; 7, 106; 8, 25, 50; 9, 457; 11, 91]. Отмечена также дигорско-кударская морфологическая изоглосса, захватывающая и туальский говор иронского диалекта [1, 101–112].

1.2. В научной литературе было указано и на дигорско-кударские изоглоссы в топонимии Южной Осетии [4, 58; 10, 162; 11; 12, I, 51–52]. Вместе с тем, отмечены и дигорско-иронские изоглоссы в топонимии Туали (Северная Осетия), т.е. в ареале туальского говора иронского диалекта [13, 75]².

После выхода в свет «Топонимии Южной Осетии» [12], значительно расширилась сравнительная база осетинской ономастической лексики. Теперь выясняется, что список дигорско-кударских топонимических изоглосс гораздо шире, нежели это представлялось раньше, а их ареал захватывает не только высокогорную, но и предгорную и равнинную зоны Южной Осетии.

Обратимся к анализу соответствующего материала, что позволит нам более точно определить природу происхождения этих изоглосс³.

2.1. *Æræfy swar* ‘минеральный источник Араф’ – название минерального

источника в Дзауском районе [12, I, 93]. З.Д. Цховребова удачно сопоставила с гидронимом *Iræf* в Дигории [10, 162]. Следует, однако, уточнить, что дигорский гидроним встречается и в форме *Æræf*, которую и следует признать более архаичной. Об этом свидетельствует и этимология данного гидронима, восходящего к др.-иран. **r-apa-* ‘текущая вода’. Ни один из компонентов этого сложения в осетинском языке в свободном употреблении не сохранился [14, 87, 252; 11].

2.2. *Badila* – мужское личное имя, отложившееся в патрониме *Badilatæ* ‘Бадилковы’ (= патронимическая ветвь фамилии *Šyxwyrbatæ*), а также в целом ряде топонимов Южной Осетии: *Badilaty c’oobi* ‘Болото Бадилковых’ [12, II, 91], *Badilajy don* ‘Родник Бадила’ [12, I, 433; 12, III, 329], *Badilatæ* ‘Бадилово’ [12, I, 271], *Badilaty zæxx* ‘Земля Бадилковых’ [12, I, 239, 263], *Badilaxo* ‘Кулига Бадила’ [12, II, 96, 254], *Badilaty mæsyg* ‘Башня Бадилковых’ [12, I, 312], *Badilajy xwyt* ‘Пашня Бадила’ [12, III, 349]. Ср. дигорское мужское имя *Badeli*, фамильное имя *Badeliatæ*, а также следующие топонимы в Дигории: *Badeldoni don*, *Badeltæ*, *Badeldænttæ*, *Badelij faxs* [15, 307, 316, 325].

2.3. *Bælæwty zæng* ‘Голубиный пригорок’ [12, I, 459] < диг. *bælæw* ‘голубь’ в форме род. п. мн. ч. Ср. ирон., кудар. *bælon* id. Ср. топоним *Bælæwvæz* ‘Голубиная поляна’ в Алагирском ущелье Северной Осетии [15, 147].

2.4. *Vobona* – название пашни [12, II, 559] и пастбища [12, II, 584] < диг. *bobona* ‘карликовое растение с маленькими съедобными красными ягодами’. В ирон. и кудар. диалектах лексема не отмечена.

2.5. *Bytтыrtæ* – название скалы [12, I, 80]. По форме – им. п. мн. ч. от апеллятива *bytтыr* ‘летучая мышь’. В этой форме слово уже не употребляется, ср. ирон., кудар. *xælyn-bytтыr* id. Ср., однако, диг. *bittir* id. Анализируемый топоним указывает на то, что в прошлом в иронском также

существовала форма без «детерминатива» *xælyn* ‘перепонка; перепончатый’. Эта форма отложилась и в североосетинских топонимах *Bytтыr adag* и *Bytтыri* [15, 9, 81].

2.6. *Ėmert*, груз. *Kemerti* – название селения [12, II, 313–314]. Очевидно, адаптированное на грузинской почве название, неотделимое от диг. топонима *Kæmarti*, о котором см. [15, 341]. В основе этих названий лежит, скорее всего, иран. **kamarā*- ‘поясница, талия; пояс’, откуда идут перс. *kāmār* ‘середина горы, уступ, склон горы; перевал’, афганское (пушту) *kamar* ‘высокий берег реки’ и т.п. [16, IV, 191–192].

2.7. *Ėk’olatae* ‘Чиколаево’ – название селения [12, II, 158]. «Чиколаевы» – это патронимическая ветвь фамилии *Žiotae*. Ср. ойконим *Ėkola* в Дигории [15, 514].

2.8. *Dony tpyppyr* ‘Холм (у) реки’ – название оврага [12, II, 536]. В Центральной Осетии зафиксирован топоним *Dondyppyrtae* ‘Холмы (у) реки’ [17, 562]. Ирон., кудар. *tpyppyr* ‘набухший, разбухший; толстый; гучный’ не подходит сюда по значению. Но ср. диг. *tpyppir* ‘бугор, холм, курган’. Ср. топоним *Tpyppir adagæ* ‘Холмистый овраг’ в Дигории [15, 295]. Ср. также карач.-балк. *dypyr* ‘бугор’.

2.9. *Durættæ* – название луга [12, I, 115], *Durontæ* – название луга [12, I, 115]. Оба топонима по форме являются им.п. мн.ч. от **duron*, которое трудно отделить от туалеского топонима *Duron* [11], этимологизируемого А.Д. Цагаевой из диг. *dojron* ‘дичь’ (см. 4.2). Разные формы множественного числа указывают на их позднее происхождение, ср. *vagontæ* || *vagættæ* ‘вагоны’ от *vagon* ‘вагон’ (< из русск. *вагон*).

2.10. *Zælwæžyn* ‘Поросшее травой *zælwæw*’ [12, I, 71, 116, 128] < диг. *zælwæw* ‘съедобная трава’ и иронско-кударский суффикс *-žyn*. В спирантизированной форме *zælwæw* это слово представлено и в топонимии североосетинской Туалии – *Zælwæžyn adag* ‘Овраг, обильный *zælwæw*’ [15, 238].

2.11. *Færæty xwymtæ* ‘Пашни топора’ (?) – название луга [12, III, 209]. Ср. также название луга и пашни *Færætaw* ‘Похожий на топор’ в Центральной Осетии [17, 580]. Сюда же, возможно, относится топоним *Fyræty qæd* в Северной Осетии [15, 220], подвергшийся контаминации со словом *fyr* ‘баран’. Ср. осет. *færæt* ‘топор’. Не исключено, однако, что в компоненте *Færæ-* скрывается тот же элемент, что и в диг. топониме *Færæsk’ættæ* *‘Напротив хлевов (находящеся)’, ср. др.-иран. **para-* ‘перед’⁴. От этой же древнеиранской основы происходят согд. *p’r* ‘через; напротив’, рушанское, бартангское *pōr* ‘через, напротив’, а также многочисленные ягнобские и согдийские топонимы на *por-*: *Порбог, Порфиз, Порнов, Порвог, Пордар* и пр. [18, 96]

2.12. *Gordaftawæn* ‘Место заготовки материала для корыта’ – название леса [12, II, 44]. Ср. кудар. *gorda* ‘круглое деревянное корыто кустарного производства’. Это слово отсутствует в иронском диалекте, но ср. диг. *gorda* ‘большое круглое деревянное блюдо, в котором месят тесто’. Возможно, из сванского *gorda* ‘короб’.

2.13. *K’olondrebi* – название кладбища [12, II, 340–341]. На конце – грузинский суффикс мн.ч. *-eb-* + окончание *-i*. Оставшаяся часть неясна. Возможно, из осет. **K’olon* ‘на склоне’ + *dar-* ‘держаться’, т.е. «нечто, расположенное на склоне (горы, холма и т.п.)». Ср. топоним *K’olon yædæ* ‘Лес на отвесном склоне’ в Дигории [15, 318], при диг. апеллятиве *k’ol* ‘склон (горы, холма)’, которому в иронском отвечает форма *k’ul*, а в кударском *k’ul*.

2.14. *K’oloty sux* ‘Квартал Колоевых’ [12, II, 150]. Очевидно, от патронима *K’olotæ* ‘Колоевы’, представленного и в топонимии Дигории: *K’oloti sawædonæ* ‘родник Колоевых’ (ср. с другим анализом [15, 310]).

2.15. *K’oz* – название селения и ущелья [12, I, 492–493] < диг. *k’ozæ* ‘побег хвойного дерева; молодой сосняк; ельник,

‘опушка соснового леса’. В ирон. и кудар. диалектах лексема отсутствует. Ср. топонимы *K'ozæ* и *K'oz-xwum-tæ* ‘Пашня на опушке’ в Алагирском ущелье Северной Осетии [15, 318].

2.16. *K'ozo* ‘Поляна среди леса’ – луг в Дзизыгирском ущелье [12, III, 203]. Ср. предыдущий топоним.

2.17. *Morgo* – название селения [12, I, 286]. Несмотря на неясность происхождения, связь с диг. топонимом *Morgæ* вряд ли можно поставить под сомнение. Ср. диг. фамилию *Morgwataæ* ‘Моргоевы’.

2.18. *Nadqew* ‘Селение у дороги’ (?) [12, III, 108]. Возможно, гибридное сложение из осет. (диг.) *nad* ‘дорога’ и древнегрузинского *qevi* (совр. груз. *xevi*) ‘ущелье’. Возможно и другое объяснение: из осет. *nad*-у «(у) дороги» + *qæw* ‘селение’ с перегласовкой под влиянием груз. *qevi* ‘ущелье’.

2.19. *Narst adag* ‘Тучный овраг’ [12, III, 21]. *Narst* – это форма прошедшего причастия от глагола *nærs-un* ‘разбухать’, ‘набухать’, ‘толстеть’. И хотя связь топонима с этим глаголом не вызывает у нас сомнений, семантика ставит трудности. Но ср. диг. *nærs-æg* ‘тучная нива’, букв. «нечто набухающее», которому в иронском диалекте отвечает *ængyzt zæxx* [19, 849], букв. «перебродившая земля». Ср. также выражение *narst fos* ‘тучная скотина’.

2.20. *Sayo* – название селения, расположенного на пригорке; жители окрестных сел, опасаясь снежных обвалов, зиму проводили в этом селении [12, III, 264–265] < диг. *sayo* ‘зимнее пастбище’. В ирон. и кудар. диалектах лексема не представлена. Ср. также оронимы *Sayi* и *Sayac'a* в Алагирском ущелье Северной Осетии [15, 128, 160].

2.21. *Sataltæ* – название горного хребта [12, I, 423–424]. По форме – им.п. мн.ч. от *Satal-*, которое нельзя отделять от диг. *satalæ* ‘плетенка из березовых прутьев’. Зимой на такие плетенки складывали копну сена и, волоча по снегу, доставляли в село.

2.22. *Sedantæ* ‘Седаново’ – название селения [12, I, 380], название селища и пашни [12, II, 480], *Sidanty cægat* ‘Северный склон Сидановых’ – название пашни [12, II, 569], *Sidantæ* ‘Сидановы’ – фамилия в селении Андорет [12, II, 593]. Ср. фамилию *Sedantæ* в Дигории, а также диг. топоним *Sedanati mæsusug* ‘Башня Седановых’ [15, 387].

2.23. *Sejæwwat* – название селища, ущелья и луга [12, I, 496, 410, 467]. Во второй части скрывается слово *qæwwat* ‘селище’, ставшее компонентом рассматриваемого топонима до перебора анлаутного *y-* > *q-*. Точная датировка этого перебора неизвестна, однако в его солидном возрасте сомневаться не приходится. Оставшаяся часть *Se-* в современном осетинском языке ничего не значит. Точно такой же элемент зафиксирован в топонимии Дигории: *Sedongon* ‘У речки Се’ [15, 356]. Мы связываем компонент *Se-* с др.-иран. *šajā- ‘жилище’. О других следах данной основы в осетинском языке см. [5, III, 215].

2.24. *Tyfžyn k'wyl'dym* ‘Холм, поросший черемухой’ [12, II, 371]. Здесь *tyf* ‘черемуха’ – это вышедшее из употребления слово, значение которого мы восстанавливаем по дигорскому соответствию *tæfyædæ*, *tifyædæ* ‘черемуха’. Более точное соответствие диг. форме находим в другом югоосетинском топониме (см. ниже). Конечное *-žyn* – суффикс со значением обладания каким-либо качеством. Ср. топоним *Tyfqædtæ* ‘Черемуховый лес’ в Туальском ущелье Северной Осетии [15, 219].

2.25. *Tyfqædžyn fæz* ‘Поляна черемухового леса’ [12, I, 518–519]. О компоненте *tyfqæd* ‘черемуха’ см. в предыдущей статье.

2.26. *Xeznajy xwum* ‘Пашня Хезна’ – название пашни [12, III, 68]. Во второй части скрывается номенклатурный термин *xwum* ‘пашня’. В первой части, скорее всего, диг. *xeznæ* ‘пастбище’ + суффикс *-a* [12, I, 52]. Ср. ирон., кудар. *xizæn* ‘пастбище’.

2.27. *Xezneuli* – название селения [12, II, 619]. Возможно, адаптированное на груз. почве (суфф. *-ul-*, окончание *-i*) производное от диг. *xeznæ* ‘пастбище’. См. предыдущий топоним.

2.28. *Zeldoba* – название луга [12, II, 578]. На конце – груз. суффикс абстрактных слов *-oba*. Компонент *Zeld-* следует связать с диг. *zældæ* ‘молодая трава; мурава; дерн’.

2.29. *Zynt'uryžynu xwum* ‘Пашня (xwum) (возле местности,) поросшей купеной’ [12, II, 68]. Ср. кудар. *zynt'ury* ‘купена’ (= съедобная трава), диг. *zint'iri* ‘съедобное растение’. В иронском диалекте не зафиксировано.

3.1. Отдельно следует остановиться на топониме *Kawæp midægæp* ‘Внутри плетеного забора (находящегося)’ – название пашни [12, II, 68]. Согласно доминирующей норме кударского диалекта, правильнее было бы *midægæj* ‘внутри’. Последняя форма является нормой и для иронского диалекта. Здесь окончания *-æp* и *-æj* являются флексиями соответственно дательного и орудийно-отложительного падежей осетинского языка.

В кударском диалекте находим еще *tyxæp* в *wi tyxæp* ‘из-за этого; ради этого’ вместо *wi tyxxæj id.*, *šæj tyxæp* ‘из-за чего; ради чего; почему’ вместо *šæj tyxxæj id*. В данном случае и в дигорском диалекте находим две формы: *tyxæp* и *tyxæj* ‘ради, для’ [20, 477]. И хотя В.И. Абаев поместил дигорский пример в рубрику фонетических расхождений, речь, на наш взгляд, должна идти именно о смешении флексий двух разных падежей. По аналогии кударские пары *tyxxæj || tyxæp, midægæj || midægæp* мы относим к числу морфологических особенностей. Разница в том, что второй член последней пары в свободном употреблении в кударском уже не встречается.

3.2. К сказанному следует добавить, что и в иронском диалекте флексия *-æp* спорадически появляется на месте флек-

сии *-æj*, например, в слове *mængæp* ‘не зря; не случайно’ вместо *mængæj id*.

3.3. К числу словообразовательных особенностей, связывающих топонимию Южной Осетии с дигорским диалектом, можно отнести топоформант *-gom*. В Южной Осетии зафиксированы следующие топонимы: *Kwyrojgom* ‘Мельничное ущелье’, ‘Ущелье с мельницей’ [12, I, 66, 200, 325, 408; 12, II, 188, 357, 534; 12, III, 307], *Kwyrojgæmttæ* (форма им.п. мн.ч. от предыдущего топонима) [12, II, 402]. Первый из этих топонимов состоит из двух компонентов: *kwuroj* ‘мельница’ и *kom* ‘ущелье’ с закономерным озвончением анлаута *k-* > *g-* в сложении. Соответствующие названия прикреплены именно к ущельям. Отдельно от них зафиксированы названия типа open compound – *Kwyrojju kom*, букв. «ущелье мельницы» [12, I, 325, 408; 12, III, 16], а также *Kwyræjttu kom*, букв. «ущелье мельниц» [12, I, 66, 200, 408; 12, II, 534, 544; 12, III, 147], в которых не произошло сращивания слова *kom* ‘ущелье’ с предшествующим словом и потому оно не подверглось фонетическому изменению. Это убеждает в том, что и в приведенной группе топонимов присутствует именно данная лексема. Однако форма *Kwyrojgæmttæ*, единственная для Южной Осетии, выпадает из данного ряда. Во-первых, этот топоним прикреплен не к ущелью, а к пашне. Во-вторых, в нем компонент *kom*, а не *kwuroj* стоит во множественном числе. Буквальный его перевод выглядел бы как «ущелья (одной) мельницы». Но это означало бы, что упомянутая пашня расположена на стыке нескольких ущелий, что, однако же, не соответствует реалиям.

Мы предлагаем видеть в компоненте *-gom* суффикс, родственный дигорскому суффиксу *-gon* ‘около, близ’. Этот суффикс зафиксирован в ограниченном количестве дигорских слов: *dongon* ‘у реки’, *yæwgon* ‘возле села’, *bilgon* ‘у берега’ и пр. [20, 422; 5, I, 369; 21, 98] В Дигории зафикс-

сированы также топонимы на данный суффикс: *Xorgon* ‘Солнечная сторона’ [15, 369], *Cadgænttæ* ‘Возле озера’ [15, 373]. Некоторые топонимы по иронскому ареалу Северной Осетии позволяют утверждать, что в прошлом рассматриваемый суффикс бытовал и в этом диалекте: *Æxsærgon* ‘Возле орешника’, *Zuq-don-gom* ‘На берегу реки Зук’ [15, 25, 84, 87, 133, 151], *El-gon-a* ‘Возле (селения?) Ел’ [15, 280]. Вполне очевидно, что и топоним *Zwargæmttæ* в Северной Осетии следует переводить не ‘Ущелья у святилищ’ [15, 85], а ‘Территория, прилегающая к святилищу’.

С учетом сказанного, топоним *Kwurojgæmttæ* следует переводить как ‘территория, прилегающая к мельнице’, что соответствует характеру географического объекта [12, II, 402]. Этот же перевод следует иметь в виду и для топонима *Kwurojgæmttæ* в Северной Осетии, о котором иначе см. [15, 61–62].

3.4. Наличие в топонимии Южной Осетии непродуктивного топоформанта *-gom* позволяет по-новому оценить и ряд других топонимов. Мы имеем в виду топонимы *Mæsyggom* ‘Башенное ущелье’ [12, II, 12, 290, 405, 534, 578], зафиксированное в других местах и в форме *open compound* – *Mæsygy kom* id. [12, III, 17, 148]. Часть этих топонимов, как и в случае с топонимом *Kwurojgom*, прикреплена именно к ущельям. Но другая их часть прикреплена к иным географическим объектам: к пашне [12, II, 405], лугу [12, II, 578] и даже населенному пункту [12, II, 290]. Топоним *Mæsyggæmttæ*, букв. ‘Башенные ущелья’ также прикреплен к лугу [12, III, 205]. И тут вновь возникает вопрос: не являются ли последние четыре топонима переосмыслением исходного названия, означавшего ‘прилегающий к башне’, ‘находящийся рядом с башней’?

Не сомневаясь в положительном ответе на поставленный вопрос, мы предлагаем рассмотреть в этом же ключе еще и топоним *Mæsyggon Ilja* ‘Св. Илья, (оби-

тающий) в башне’ – название полуразвалившейся башни, превращенной в святилище [12, II, 510]. Здесь суффикс *-gon* придает топониму значение предлога ‘в’, а не ‘у, около, возле’.

3.5. Таким образом, в топонимии Южной Осетии оставил след непродуктивный суффикс *-gom / -gon*, сохранившийся в дигорском диалекте в качестве словообразовательного элемента. По своему происхождению он, возможно, связан с лексемой *kom* ‘рот; лезвие; ущелье’ [5, I, 369; 22, 283], что и способствовало их смешению в топонимии Осетии. Ср. также слово *ængom* ‘плотно прилегающий’ < *æm-* + *kom* ‘рот’, букв. «рот ко рту», «очень близкий» [5, I, 160], где еще угадывается исходное значение второго компонента.

4.1. Выше мы уже отмечали наличие в топонимии Северной Осетии дигорско-туальских изоглосс. Приоритет в их разработке принадлежит А.Д. Цагаевой, установившей следующие изоглоссы.

4.2. Диг. *Zæætæg* – туаль. *Zæætæg* [13, 75], диг. *Naryæ* – туаль. *Nary* [13, 75], диг. *Naræ* – туаль. *Nar* [13, 79]⁵. Еще один туальский топоним – *Skôr* – под вопросом сопоставлен с диг. апеллятивом *skôræ* ‘сажа’ [15, 256]. Топоним *Duron* – название леса в Мамисонском ущелье – сопоставлен с диг. апеллятивом *dojron* ‘дичь; зверь’, точным фонетическим соответствием которого и является несохранившееся иронское **duro*n [15, 215]. В топонимии Туалии отмечен также фонетический дигоризм: *Wæl-ex-tæ* ‘Над льдами’, где *-ex-* примыкает к дигорскому *ex* ‘лед’, а не к иронскому *ix* id. [15, 263]⁶.

4.3.0. К этому списку мы в свое время добавили еще две дигорско-туальские изоглоссы [11].

4.3.1. Туаль. *Twalgom* ‘Туальское ущелье’ – диг. *Twalægom* ‘Принадлежащий туальцу’, *Twalcki kom* ‘Ущелье туальцев’ (?) [15, 360].

4.3.2. Туаль. *Zyil* – название селения [15, 281]. Ср. диг. апеллятив *zyelæ / zyeli*

‘длинные обрубки дерева’, *æzyeri sog* ‘полено’ [19, 100], а также топоним *Æzyelitæ* в Дигории [15, 323]. Сюда же, несомненно, следует добавить топоним *Zyelax* в Туалии [15, 197], во второй части которого содержится непродуктивный суффикс *-ax*, представленный и в некоторых других топонимах: *Reg-ax* [15, 284], *K'awr-ax-tæ* [15, 242], *Warab-ax* [15, 262] и т.п.

4.4.0. В настоящее время есть возможность расширить список дигорско-туальских изоглосс.

4.4.1. *C'uxu qæw* ‘селение Цых’ в Туалии [15, 277]. В неясном компоненте *c'ux* можно видеть адаптированный вариант дигорского *c'ux* ‘рот; отверстие; морда, рыло’, в топонимии также ‘выступ’. Ср. топоним *C'uxbuni æfcaæg* ‘Перевал под выступом’ в Дигории [15, 297].

4.4.2. *Pursuxa* – название луга и пастбища [15, 250]. Делим на корень *Purs-* и суффиксы *-ux* и *-a*. С выделенным корнем ср. диг. апеллатив *pursa* ‘крапива’, которому в иронском и кударском соответствует форма *pusyra*. Что касается первого из суффиксов, то его следует сопоставить с непродуктивным формантом *-ux* || *-ux*, выявленным в ряде осетинских апеллативов [24, 179]. Этот же формант можно распознать и в топонимии Осетии: *Karc-ux* [12, III, 260] при ойкониме *Karc-a* [15, 115], *K'uz-ux-tæ* [15, 89] при апеллативе *k'uz-i* ‘куст’; *C'un-ux-a* [15, 109], *C'on-ux-s-a* [15, 178] при ойконимах *C'on* [12, I, 504–505] и *C'un-ar* [12, II, 311–313]; *Mæqqær-æx* || *Mæqqær-ux* [15, 15] – основа неясна; *Kæl-ux* [15, 498] при *kæl-yn* ‘осыпаться, обваливаться’; *K'ut-ux* [12, I, 169] при апеллативе *k'ut-ær* ‘куст’ и т.п.

4.4.3. *Sqas* – название ледниковой горы в Цейском ущелье [15, 129]. Поскольку данное ущелье в прошлом являлось частью Туалии [1, 68], относим к числу туальских топонимов. Для выяснения этимологии этого топонима следует учесть, что написание *Sqas* – это дань орфографической норме осетинского

языка. В осетинском языке нет слов, начинающихся с группы согласных. Обычно анлаутной группе согласных предшествуют протетические гласные *æ-* или *y-*, которые на письме не обозначаются. Однако в данном случае, как мы полагаем, начальный *Y-* в *Ysqas* не протетический, а этимологический.

Мы делим форму *Ysqas* на корень *ysq-* и суффикс *-as*. Корень *ysq-* мы сопоставляем с диг. *usqæ* ‘плечо’, в топонимии – ‘выступ’, которому в иронском и кударском отвечает форма *wæxsk*. Судя по этимологии этого слова, дигорская форма *usqæ* является инновационной [5, IV, 100–101]. Тем интереснее наличие ее в топонимии туальского ареала.

Что касается непродуктивного суффикса *-as*, то его выделяют на основе анализа апеллативной лексики осетинского языка [25, 114; 26, 243]. Но он представлен и в топонимии Осетии: *Ā'im-as* [12, I, 300–301], *Žamar-as* [12, I, 223], *Kod-as* [15, 140], *Tan-as-tæ* [15, 164], *Carg-as* [15, 274], *Syl-as* || *Sl-as* [15, 259, 285] – при апеллативе *syl* ‘рожь’, *Enk-as* [15, 339], *Āi-aš* [15, 406], *Āiwal-t-as* [15, 488] и т.п.

5.1.0. Таким образом, в топонимии Осетии следует различать не только кударско-дигорские, но и туальско-дигорские изоглоссы. Возникает вопрос: каково происхождение этих изоглосс и что они дают для решения вопросов этнической истории Осетии?

5.1.1. Оценивая установленные ею изоглоссы с точки зрения хронологии, А.Д. Цагаева писала в свое время следующее: «Нужно думать, что все эти совпадения названий не случайны. Видимо, эти топонимы принадлежат к древнейшему слою лексики осетинского языка, а некоторые из них, возможно, и аборигенному населению Кавказа» [13, 75].

Действительно, в солидном возрасте отмеченных изоглосс сомневаться не приходится. Некоторые из них (*Nar* || *Naræ*, *Nary* || *Naryæ*) неясны по происхо-

ждению, что и позволило А.Д. Цагаевой приписать их «аборигенному населению»⁷.

5.1.2. По мнению автора этих строк, дигорско-кударские лексические и топонимические изоглоссы могут свидетельствовать об участии общего этнического элемента в этногенезе дигорцев и южных осетин [1, 79]. Таким элементом, судя по историческим данным, могли быть средневековые и древние туалыцы, известные в грузинских источниках как *dval-n-i*.

5.2.0. Анализ отмеченных выше изоглосс приводит также к выводу, что они возникли в разное время и по разным причинам.

5.2.1. Среди дигорско-кударских топонимических изоглосс есть такие, которые восходят к древнеиранскому (в данном случае – скифо-сарматскому) языковому уровню: *Æræfy swar* || *Æræf* (2.1), *Færætý xwýmætæ* || *Færæskætætæ* (2.11), *Se-yæwwat* || *Se-dongon* (2.22). Эти топонимы содержат в себе древнеиранские основы, давно вышедшие из свободного употребления.

5.2.2. Вторую по значимости группу изоглосс составляют топонимы, апеллятивы которых сохранились только в дигорском диалекте: *Bobona* (2.4), *Durætætæ* (2.9), *Durontæ* (2.9), *Zælæw-žyn* (2.10), *K'oz* (2.15), *K'oz-o* (2.16), *Nad-qew* (2.18), *Sayo* (2.20), *Sataltæ* (2.21), *Tyf-žyn k'wyldym* (2.24), *Tyfqæd-žyn fæz* (2.25). Судя по всему, апеллятивы, на базе которых составлены рассматриваемые топонимы, существовали когда-то и в кударском диалекте. Следовательно, нет надобности видеть в рассматриваемых топонимах вклад из дигорского диалекта, а в соответствующих регионах Южной Осетии предполагать присутствие дигорского этнического элемента. То же самое следует предположить в отношении непродуктивного суффикса *-gom / -gon* – он когда-то бытовал в самом кударском.

5.2.3. К предыдущей группе изоглосс примыкает и название, которое можно охарактеризовать как семантический дигоризм – *Narst adag* (2.19).

5.2.4. К этой же группе следует отнести топонимы, отмеченные специфическими чертами архаизма: *Bælæwty zæng* (2.3), *Bytтыrtæ* (2.5). Особенность первого из них не только в наличии параллели в виде диг. *bælæw* 'голубь', а еще и в том, что иронское и кударское соответствие *bælon* id., как это видно из формы множественного числа *bæl(y)wætætæ* 'голуби', ныне практически вышедшей из употребления, само восходит к праформе **bælæwon*, где *-on* – суффикс [27, 100–102]. Таким образом, в рассматриваемом топониме сохранилась форма, бытовавшая во всех диалектах осетинского языка, но впоследствии преобразованная в иронском и кударском диалектах.

То же самое следует сказать о втором топониме. Все это подтверждает нашу догадку о наличии и в остальных топонимах апеллятивов, когда-то бытовавших в самом кударском диалекте, а не заимствованных из дигорского.

5.2.5. Весьма интересны также топонимы, апеллятивы которых представлены в кударском и дигорском диалектах, но отсутствуют в иронском: *gorda* (2.12), *zynt'yry* (2.29).

5.2.6. Весьма показательны также «дигоризмы», представленные в грузинской топонимии Южной Осетии: *Kemerti* (2.6), *Kolondrebi* (2.13), *Xezneuli* (2.27), *Zeldoba* (2.28). Здесь могут возникнуть определенные сомнения в связи с неизбежными фонетическими искажениями в заимствующем языке. Однако в нашем материале прослеживаются некоторые закономерности:

а) осет. *æ* передается через груз. *e*, так как в фонологической системе этого языка нет фонемы *æ*, а ближайшей к ней фонемой груз. языка по месту образования является как раз *e*.

б) фонема *e* в *Xezne-ul-i*, в случае корректности этимологии из осет. (диг.) *hezne*, отражает среднеосетинское **e*, вышедшее из др.-иран. дифтонга **ai*, которое сохранилось в дигорском, но сузилось до *i* в иронском и кударском. И в данном случае, на наш взгляд, стоит говорить о сохранении среднеосетинской нормы в грузинском, а не о заимствовании из дигорского. Т.е. в средневековом кударском, как и в дигорском, бытовала форма **hezne(æ)*, которая со временем была вытеснена формой *xizæn*, но сохранилась, во-первых, в топонимах *Xezneuli* и *Xeznajū xwut* (2.26), а во-вторых – в дигорском. То же самое следует сказать о фонетическом дигоризме *Wæl-ex-tæ* (4.2) – перед нами средневековое кударское (= средневековое туальское) **ex* ‘лед’, изменившееся в современных кударском и иронском в *ix*, но сохранившееся в дигорском и в рассматриваемом топониме. В ряде случаев архаичная форма на *-e-* сохраняется параллельно с новой формой на *-i-*, ср. выше *Sedantæ* (2.22) и *Sidantæ* (2.22).

в) Аналогичная проблема возникает при анализе топонима *K'ol-on-dr-eb-i*, содержащего среднеосетинское *-o-*, перешедшее в иронском и кударском в *-u-*, но сохранившееся с одной стороны в дигорском, а с другой – в рассматриваемом топониме. Следовательно, рассматриваемый топоним свидетельствует о достаточно раннем его усвоении в грузинский язык, а не об участии в его образовании дигорского диалекта. Любопытно отметить, что и в осетинской части топонимии Южной Осетии можно найти пару *Ruk'* || *Rok'-a-tæ* [12, I, 153–154, 289], в первом из которых корневая гласная сузилась, а во втором – нет.

5.2.7. Наименее ясным для нас является топоним *Dony typpyr* (2.8), находящийся параллели не только в топонимии Дигории и не только в дигорском апеллативе, но и в балкаро-карачаевском

durrir ‘бугор’. Если это тюркизм, то он мог проникнуть в Южную Осетию вместе с дигорскими переселенцами, которых в прошлом было достаточно много. Таким образом, в топонимии Южной Осетии следует считаться не только с архаизмами, по форме совпадающими с фактами современного дигорского диалекта, но и с элементами, оставленными непосредственно дигорскими переселенцами, к числу которых относятся, например, представители фамилии *Sedantæ* (2.22).

5.2.8. Особое место в анализируемом материале принадлежит морфологической изоглоссе *midæg-æn* (3.1), которая может свидетельствовать о том, что в период сложения топонимии Южной Осетии система падежных окончаний осетинского языка окончательно еще не оформилась и ориентацию на местности можно было передавать с помощью разных флексий. В нашем случае отмечено вариативное употребление флексий *-æn* и *-æj*.

Поскольку в настоящее время падежная система кударского диалекта полностью стабилизировалась, примкнув к аналогичной системе иронского диалекта, а некоторые «сбои» в ней не носят системного характера, процесс становления этой системы можно датировать средневековой эпохой.

5.2.9. Весьма интересны также дигорско-кударские изоглоссы, основанные на антропонимическом материале. По сравнению с отапельлятивными топонимами они менее надежны, так как антропонимы часто и легко заимствуются. И все же в нашем материале представлены антропонимы, бытующие как в Дигории, так и в Южной Осетии, но отсутствующие в ареале иронского диалекта. Это: *Badila* || *Badeli* (2.2), *Čik'olataæ* || *Čikola* (2.7), *K'olotæ* (2.14), *Morgo* || *Morgæ* (2.17), *Sedantæ*, *Sidantæ* || *Sedanataæ* (2.22).

В этом списке, помимо лексических совпадений, обращает на себя внимание

двойное отражение среднеосетинских гласных среднего подъема. В первой паре мы имеем закономерное соответствие кударской *-i-* дигорской *-e-*, которое в последнем примере нарушается ввиду наличия в югоосетинской топонимии как формы на *-e-*, так и формы на *-i-*. В изоглоссах *Ķikolatae* || *Ķikola*, *K'olotae* и *Morgo* || *Morgae* ожидали бы сужение *-o-* > *-u-* в югоосетинских топонимах. Вместо этого находим перебой *-k-* > *-k'-* в первом из них, свидетельствующий о более глубоко воздействии кавказских языков на диалекты Южной Осетии. В форме *Ķikolatae* ожидали бы также перехода *-i-* > *-y-*.

5.3. Наконец, нельзя не отметить важности наличия дигорско-туальских изоглосс в топонимии горной зоны Алагирского района Северной Осетии (4), свидетельствующих о непрерывном культурно-историческом и языковом континууме в средние века, начинающемся с Дигории и кончающемся Ленингорским районом современной Южной Осетии.

6.1. С учетом рассмотренного материала история сложения диалектов Южной Осетии выглядит так. Средневековый кударский (или средневековый туальский) диалект аланского языка некоторыми своими особенностями был схож с современным дигорским диалектом, но отличался от современного иронского. Он был распространен на значительной территории горной зоны Северной Осетии, включая и Центральную Осетию, а также на большей части территории

Южной Осетии, гранича на западе с ареалом дигорского диалекта и рачинского диалекта грузинского языка, на севере (полоса Садон–Цымыти–Даргавс–Ларс) – с ареалом иронского диалекта, на востоке – с вайнахскими языками и горскими диалектами грузинского языка, а на юге – с картлийским диалектом грузинского языка. После татаро-монгольского нашествия, когда ироноязычные аланы массово мигрировали в горы Центрального Кавказа, средневековый кударский смешался со средневековым иронским, в результате чего и образовались диалекты и говоры современной Южной Осетии. Там, где иронцев оказалось больше, возникли новые говоры иронского диалекта – цалагомский (рукский) и чисанский (ксанский). Там же, где иронцы были в меньшинстве, сформировался новый диалект – кударский, обнаруживающий черты как иронского, так и доиронского диалекта.

6.2. Нарисованная нами картина полностью соответствует выводам Г.С. Ахвледиани, сделанным на основе анализа данных современного кударского диалекта, а также материалов по кударскому диалекту, относящихся к началу XIX века [4, 69, 116]. К аналогичным выводам пришел и английский иранист И.А. Гершевич, по мнению которого кударский диалект является потомком скифских наречий, а иронский – потомком сарматских наречий [28, 165–173]. Анализ топонимии Южной Осетии помог подтвердить и уточнить эти выводы.

Примечания:

1. О кударском диалекте см. наши специальные работы [1, 80–120].
2. Отдельной темой являются дигорско-кударские изоглоссы в области антропонимии, которую мы здесь не рассматриваем.
3. В настоящей статье мы ссылаемся как на изданные тома «Топонимии Южной Осетии», так и на готовящийся к изданию третий том, страницы в котором указываются по рукописи.
4. О дигорском топониме иначе, но вряд ли корректнее, см. [25, 390].
5. Происхождение последнего топонима неясно. О возможных параллелях в европейской гидронимии см. [1, 271]. Ср. также абхаз. *na(a)ra* 'склон (холма, горы)', мансийское *нёр* 'гора', *Нёр* – название Уральского хребта, коми *нӧрыс* 'возвышенность, холм; бугор, пригорок, кряж', а также связанный с ними по происхождению элемент *нар* в топонимах Урала: *Качка-нар* и пр. [23, 195].
6. Топоним *Сʼas* в Туалии, квалифицированный как дигоризм (ср. диг. *sʼasæ* 'дыра') [15, 276], таковым не является, т.к. в форме *sʼass* данное слово встречается и в иронском ди
7. Не исключено, что топоним *Nary* || *Naryæ*, предполагающий этимон **nāg-rā-*, является иранским, ср. др.-иран. **naga-*, *nāga-* 'змея; змея' [16, V, 418] + суффикс прилагательных *-ra-*. Общее значение – «змеиное», т.е. «место, где много змей», «место, где водятся змеи».

-
- I. *Дзиццойты Ю.А.* Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. I.
 - II. *Абаев В.И.* Новооткрытая древняя рукопись // *Фидиуаг.* 1927. № 1–2. С. 52–57. (на осет. яз.)
 - III. *Тиболов А.А.* Собрание сочинений. Цхинвал, 1988. (на осет. и русск. яз.)
 - IV. *Ахвледиани Г.С.* Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси, 1960. Т. I.
 - V. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., 1958. Т. I.; Л., 1973. Т. II; Л., 1979. Т. III; Л., 1989. Т. IV.
 - VI. *Тедеева О.Г.* «Дигоризмы» в староджавском (по материалам И. Ялгузидзе) // *Осетинская филология.* Орджоникидзе, 1981. Вып. 2.
 - VII. *Тедееви О.Г.* Наркъевеби картул-осури енобриви уртиертобидан [Очерки по грузино-осетинским языковым взаимоотношениям]. Тбилиси, 1983. (на груз. яз.)
 - VIII. *Тедееви О.Г.* Пъирвели осури хелнацъеребис ена [Язык первых осетинских рукописей]. Тбилиси, 1985. (на груз. яз.)
 - IX. *Thordarson F.* Ossetic // *Compendium Linguarum Iranicarum.* Wiesbaden, 1989. P. 456–479.
 - X. *Цховребова З.Д.* Материалы по топонимике и гидронимике Южной Осетии // *Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР.* Цхинвали, 1969. Вып. XVI. С. 155–182.
 - XI. *Дзиццойты Ю.А.* Этногенез южных осетин по данным языка // *Южная Осетия.* 1995. № 42.
 - XII. *Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А.* Топонимия Южной Осетии. М., 2013 Т. I.; М., 2015. Т. II; Т. III (в производстве).

- XIII. Цагаева А.Д. Топонимические названия Осетии: их структура // Известия СОИИИ. Орджоникидзе, 1964. Т. XXIV. Вып. 1. С. 74–83.
- XIV. Дзиццойты Ю.А. Нарты и их соседи: Географические и этнические названия в нарттовском эпосе. Владикавказ, 1992.
- XV. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Словарь географических названий. Орджоникидзе, 1975.
- XVI. Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2011. Т. IV; М., 2015. Т. V.
- XVII. Цагаева А.Дз., Абаев А.И. Топонимия Трусовского ущелья (с добавлением топонимов Кудского ущелья и Кобской котловины) // Фыдыбæстæ / Отечество. Владикавказ, 2008. С. 527–600.
- XVIII. Хромов А.Л. Согдийская топонимия верховьев Зеравшана // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969. С. 87–99.
- XIX. Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. и с доп. А.А. Фреймана. Л., 1927. Т. I.
- XX. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
- XXI. Исаев М.И. Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология. М., 1966.
- XXII. Цаболов Р.Л. Этимологический словарь курдского языка. М., 2001. Т. I.
- XXIII. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка / Переиздание с дополнением. Сыктывкар, 1999.
- XXIV. Bielmeier R. Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt am Main, etc., 1977.
- XXV. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. II.
- XXVI. Bailey H. W. Ossetic (Nartä) // Traditions of Heroic and Epic Poetry. London, 1980.
- XXVII. Дзиццойты Ю.А. Очерк чисанского говора осетинского языка. Цхинвал, 2008. (на осет. яз.)
- XXVIII. Gershevitch I. Linguistic Geography and Historical Linguistics // La posizione attuale della linguistica storica nell'ambito delle discipline linguistiche. Roma, 1992.